

ЕСЛИ
ЧЕСТНО

Ася Василько

ЕСЛИ ЧЕСТНО

«Автор»

2026

Василько А.

ЕСЛИ ЧЕСТНО / А. Василько — «Автор», 2026

Сначала она узнала, что если доводы звучат разумно, то с ними легко согласиться. И также легко отказаться от того, что важно. Лишь спустя годы и полную правильных решений жизнь, в которой было все, кроме счастья она увидела то, что раньше всегда оставалось за кадром. Иногда, достаточно разглядеть одну маленькую деталь, за которой скрывается разница, которая меняет всю жизнь. Иногда, всё гораздо ближе и проще... «Если честно».

© Василько А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ася Василько

ЕСЛИ ЧЕСТНО

Глава 1

— Ваше Кьянти — мелодично пропел над ухом официант.

Ева, словно, очнулась, поежилась от внезапного ощущения холода и аккуратно поправила легкое шерстяное пальто накинутое на плечи. Она машинально провела ладонью по рукаву, будто проверяя, на месте ли ткань, и только потом подняла немного уставший взгляд и обвела им небольшой и очень уютный зал итальянского ресторанчика.

— Благодарю, — отозвалась она и мягко улыбнулась.

Официант поставил бокал и отошёл.

За стойкой мелодично звякнул звонок, возвещая о готовности очередного заказа, и она окончательно вернулась из своих мыслей в окружающую ее весьма приятную реальность.

Сидя за столиком у окна, она легко могла рассмотреть весь зал. Он был маленький, едва вмещал восемь столиков, и несмотря на рабочий день, приличную удаленность от крупных офисных центров и плавно текущее к концу обеденное время был полон. Посетители, неспешно поглощали свою еду, сдабривая ее хорошо охлажденным вином с оживленными беседами.

В основном, это были компании из трех — четырех человек, лишь Ева и еще девушка, за столиком напротив были одни. Та то и дело смотрела на часы, быстро ела, откладывала приборы и снова брала их, будто не могла позволить себе замедлиться.

— Ты пробовал? — донеслось с соседнего столика.

— Нет, но говорят, здесь отличный соус.

Едва уловимая приятная музыка, звучащая из динамиков, которых нигде не было видно, лилась прямо в уши. Она казалась одновременно совершенно неизвестной и очень знакомой, и отвлекала внимание от посторонних разговоров. Те, в свою очередь, тонули в крохотных промежутках между столами из массива дуба, небольшими диванами и мягкими креслами-чашами.

Темные глухие тона глубокой зелени и бордо в интерьере, обрамленные деревянными рамами рабочих стоек и винных полок, действовали магически. В тусклом теплом свете прозрачных светильников, напоминающих стеклянные колбы, подвешенные на длинных черных шнурах, они идеально растворяли и поглощали всё лишнее.

Ева медленно повернула бокал за ножку, наблюдая, как вино касается стекла, потом отпила небольшой глоток и задержала его во рту, будто проверяя вкус.

Она наблюдала за всем происходящим, и это напоминало ей муравейник в котором постоянно кипит жизнь. Непонятная извне, но наполненная особым смыслом.

Подали суп.

Лица вокруг менялись. Одни заканчивали трапезу и уходили. Их места тут же занимали другие. Девушка напротив подняла взгляд:

— Можно счет, пожалуйста?

Через мгновение на столе появился чек-бук. Она быстро рассчиталась, собрала вещи, ещё раз посмотрела на часы и направилась к выходу.

Ловкий юноша-официант в длинном фартуке цвета дорого вина, появившийся словно из воздуха, одним движением убрал чек-бук, опустевшую чайную пару и заскучавшую на столе хлебную корзину и снова растворился.

Густой крем-суп из брокколи со сливками, веточками микрозелени и оливковым маслом мягко и бережно согревал. Тепло разливалось внутри, доходя до груди.

Это же чудо — вот так, сойти со мчащего на всех парах экспресса успешности и замедлившись, насладиться вкусом и запахом собственной жизни. Так просто. Так по-настоящему.

Ева опустила ложку, снова взяла бокал и посмотрела в окно.

Это же чудо — улыбнуться еще теплому осеннему солнышку. Пошуршать золотой листвой по узким улочкам малознакомого города. Выпить вина за обедом, ни с кем не споря и ничего не обсуждая. Еще одно.

Она улыбнулась своим мыслям.

Почему так сложно сделать для себя такую незатейливую приятность? Забыть о рутине и со сменой белья в небольшом чемоданчике сесть в поезд. Сократить рабочие будни не для кого-то или почему-то, а чтобы побыть наедине с собой, надышаться счастьем, улыбнуться случайностям и посмотреть, что будет.

Почему для всего нужны поводы? Где они наши поводы? Разве не мы — наши главные поводы?

Это же чудо — уметь услышать внутри себя порыв, и поддаться ему и стать счастливее. Счастливее на день, на час, на миг. Наконец.

Постепенно мягкая улыбка на лице женщины сменилась выражением задумчивости с легким оттенком печали. Она откинулась на спинку дивана и чуть дольше задержала взгляд на пустой тарелке.

Поодаль на столе так же задумавшись дремал ее ноутбук. Она придвинулась ближе, коснулась его крышки кончиками пальцев, но не открыла.

Он был с ней всегда. В этой чудо машинке в стройной системе файлов до поры до времени хранились факты и спутанные описания внезапно возникших чувств, фотографии и зарисовки, спонтанно родившиеся стихи, какие-то странные обрывки фраз, возможно — идей. Эмоциональный архив. Она редко заглядывала туда специально — чаще возвращалась случайно и каждый раз удивлялась, как много остаётся живым, даже когда кажется, что момент давно прошёл.

Ева отодвинула ноутбук чуть дальше от края стола.

Она писала. Писала давно, по-разному. Сначала для себя, просто попробовать. Позже — вполне осознанно.

Писала, чтобы не захлебнуться от счастья, не умереть от горя, завершить, отпустить, прожить.

Какое-то время помогало просто писать. Потом перестало.

Она начала делиться. С родными. С друзьями. Друзья — со своими друзьями.

Ева сделала ещё один глоток вина и отставила бокал.

Она и не заметила, когда её жизнь успела сменить траекторию и пошла по кругу, постепенно замедляясь — и внутри, и снаружи. Сначала просто, на какое-то время, она стала реже выходить из дома. Ни с кем не разговаривала без особой надобности. Перестала писать.

Ева вновь откинулась на спинку дивана. За окном тихо кружил осенний лист приглашая прогуляться. Она рассчиталась, поправила пальто, убрала ноутбук в рюкзак и вышла на улицу приветливого, но все еще чужого города.

Осень встретила теплом, прозрачным воздухом и едва уловимым запахом, который бывает только в переходное время, когда ничего ещё не закончилось, но уже начинает меняться. Листья сухо шуршала под ногами. Ветер касался лица осторожно, как будто пробо-вал — можно ли.

Ева шла, не выбирая направления, город медленно шёл ей навстречу, а её мысли шагали рядом.

Иногда движение возвращает память быстрее, чем мысль.

Не воспоминание — ощущение, у которого нет возраста.

Глава 2

Ева шла вперед, так же как когда-то давно — легко, не оглядываясь, словно впереди ждало что-то важное, а земля крутилась под ногами и назад смотреть не имело смысла. Это чувство было невесомым, едва уловимым и не сообщало, откуда оно вернулось и зачем.

В нашем детстве много чего было.

И еще больше всего не было.

Были, например, бесчисленные друзья с которыми можно было до заката пропадать на улице.

— Ты выходишь? — кричали снизу.

— Сейчас! — отвечали сразу несколько голосов.

Во двор сбегались быстро — кто в куртке нараспашку, кто с куском хлеба в руке. Шумные, подвижные игры начинались сами собой. Порой, достаточно было просто идеи. Мир был бескрайним и очень увлекательным, а в своих силах, способностях и возможностях никто ни на миг не сомневался.

— Давай через две!

— Нет, так нельзя, смотри!

— А если вот так?

Смех, крики, споры — всё было громким и живым.

Интернета в те годы не было.

Мобильных телефонов тоже.

Да что мобильных, наличие простого стационарного телефона, само по себе, считалось большим социальным успехом.

— У них телефон есть, — говорили с уважением.

Домашние телефоны были настоящей привилегией и стояли у больших начальников, у их самых незаменимых помощников и еще у ветеранов войны и труда. И когда грозные начальники уходили на работу, вся детвора стекалась в квартиры с телефонами.

— Давай ты, — подталкивали самого смелого.

— Нет, лучше ты.

Набирали случайные номера, прижимали трубку к уху и, задыхаясь от смеха, говорили какую-нибудь глупую глупость кому-то неизвестному на другом конце провода.

— Алло! Это квартира Зайцевых?

— Нет.

— А почему из трубки уши торчат?

Трубку бросали, прыская от хохота. Почему-то тогда это было очень весело. Определителей номера не было. Шутить можно было почти безнаказанно.

Мы знали не меньше пятидесяти способов прыгать через резиночку. В копилке дворовой шпаны было с десятков игр со скакалкой и мячом, которые не требовали ни стадиона, ни даже спортивной площадки.

Но всё это было лишь разминкой. так сказать, Настоящие игры начинались, когда после завтрака и обязательных домашних дел, вся компания собиралась во дворе.

Грандиозные же идеи общих игр черпали, в основном, из книг. Фильмы в кинотеатрах не радовали разнообразием, шли месяцами, зарубежных почти не было. На картины для взрослых детям было не попасть.

— Не продали? — вопросы у кассы звучали риторически.

— Не-а.

— Ну и ладно, я расскажу, как в книге было.

Источников вдохновения было мало, а играть хотелось каждый день.

Кто знает, возможно, сегодняшние любители исторических и фантазийных реконструкций — это как раз те заигравшиеся ребята из нашего детского двора. Во всяком случае, невероятная скрупулезность и пристальное внимание к мельчайшим деталям при воссоздании событий, а еще дикая самоотдача при их проживании выглядят подозрительно знакомыми.

В те годы мы все были фанатами и экспертами. Каждый в своей области. На что бы ни падало внимание, литературный шедевр, музыкальная композиция, театральная постановка, фильм, мультфильм или анекдот, мы знали в мельчайших деталях не только реальное исполнение, но и историю его создания, биографии всех сопричастных, а некоторые еще могли и дословно процитировать.

Это была жизнь в эпоху дефицита информации. Когда новостей не много, их особенно хочется знать. И, желательно, первым.

Поэтому каждый, без исключения, был на что-то подписан.

Ха. Интересное чувство. Сейчас все, ну или почти все, тоже подписаны, но, преимущественно, на кого-то.

В детстве это были печатные издания.

Для политически просвещенных — одни.

Для садоводов и рукодельниц — другие.

Для прогрессивных — «Юность».

Для любителей художественного чтения — толстенная «Литературная газета» и «Иностранная литература».

Для детей тоже были свои газеты и журналы. Для малышей — «Веселые картинки» и «Мурзилка». Для тех, кто постарше — «Юный техник», «Бумеранг» и «Смена».

Ева была обычным ребенком. Училась в школе, занималась в кружках и секциях, читала свои журналы, смотрела по телевизору новые фильмы в новогодние каникулы, обсуждала свежие новости с подругами: страстно, увлеченно, самозабвенно.

Жизнь вильнула внезапно.

Ей было тринадцать. Весна. Солнечная, все еще чуть снежная, мартовская.

В один из дней она вынула из почтового ящика очередной номер «Смены». была прохладной на ощупь. С обложки смотрел Дмитрий Харатьян.

— Опять он, — сказала одноклассница, заглядывая через плечо.

— Ну да, — ответила Ева. — «Актёр года».

— Почему он, а не Жигунов? По мне, так этот кудрявый красавчик, особенно в исторических декорациях смотрится гораздо эффектнее. — Ольга сложила руки на груди и мечтательно улыбнулась.

— Не знаю, — пожала плечами Ева.

Она забрала журнал и пошла домой читать. Скорее всего, прочла все, от корки до корки, и не глядя сунула на полку.

Настали каникулы.

Лучшее время для наведения порядка в комнате ученика.

Ева сняла с полки уже прочитанный журнал. Он был тёплый, будто хранил в себе воздух комнаты.

И вдруг, встретила этот взгляд.

Голубые глаза, ещё более голубые, чем рубашка цвета солнечного летнего утра.

Она не понимала, что изменилось, но не могла отцепиться от этого взгляда. Только тихо опустила на стул и уставилась на обложку.

На фото тех лет не было фильтров и они едва ли могли что-то приукрасить, скорее, наоборот, но Еве, в тот момент, по какой-то причине, портрет казался совершенным. Она сидела и смотрела.

Мысли остановились.

Время тоже.

Светлые волосы, обычно, соломенные в кадре, на грубой бумаге своим цветом со странными бликами напоминали, скорее крылья моли. Простые, почти правильные, черты лица, мягкая линия губ, аккуратный подбородок и голубые, смотрящие прямо в сердце глаза. Всё, что раньше было чужим, будничным, внезапно, стало очень близким и осязаемым. Казалось, что если прислушаться, можно услышать дыхание. А если коснуться рубашки, ощутишь под пальцами ее теплую, чуть грубоватую льняную текстуру.

По щеке скатилась слеза.

Она встала и пошла искать кого-нибудь, чтобы поделиться.

— Мне нравится Дмитрий Харатьян. Очень нравится. Кажется, я его люблю.

Слова вырвались быстро. После них стало легче.

— Ой, ну перестань, — ответили, не поднимая глаз.

На столе ровняли стопку чистого белья, аккуратно складывая угол к углу.

— Актёры всем нравятся. Это несерьёзно.

— Потом посмеёшься. — Взгляд скользнул к часам. — Мне ещё кое-что доделать.

Руки были заняты. Спина чуть наклонена. Разговор остался где-то сбоку.

Но торнадо тех слов вынесло все, что только начало прорасти глубоко в душе. Вырвало с корнем и перевернув, разбросало обломки. Остались только обрывки, что смогли зацепиться за известные и понятные для тринадцатилетней Евы смыслы:

«ты глупая»

«лучше молчи»

«знай свое место»

«я тебя не поддерживаю»

«любить плохо»

«нужно, чтобы любили тебя»

Она была послушной девочкой... И сделала, как сказали... Свои плохого не посоветуют...

В жизни появился порядок, а внутри наступила ночь, из которой не предполагалось выхода.

Она вышла с кухни почти сразу, будто её кто-то позвал, хотя в квартире было тихо. Прошла в свою комнату, не оглядываясь, не задерживаясь ни на чём взглядом. Движения были ровные, знакомые, как во сне, когда знаешь дорогу, но не помнишь, как оказался в этом месте.

Журнал лежал на столе. Она взяла его, не открывая, прижала к груди на секунду — неосознанно, просто так получилось — и пошла дальше, в кладовку.

Там стопками хранились старые газеты, тетради и какие-то бумаги, которые собирались сдать в макулатуру. Она положила журнал сверху, аккуратно, как будто он был таким же, как все остальные. Закрыла дверь и выключила свет. За дверью.

Но темнота легла всюду.

Так началась и закончилась ее первая любовь.

Глава 3

В узкой прихожей гостиничного номера стоял маленький чемодан для ручной клади — закрытый, аккуратный, будто собрался сам. Рядом — рюкзак с ноутбуком, слегка перекошенный, как всегда, когда в него кладут что-то лишнее. Ева остановилась между ними, проверяя взглядом пространство, и только потом шагнула обратно в комнату.

Она обвела комнату взглядом, проверяя лишние следы, которые следовало убрать. На столе остались лежать рекламные брошюры, использованный кинобилет с надорванным краем и журнал, который она брала с собой в дорогу. Читать в поезде, открывать и закрывать разные истории, перелистывать страницы, возвращаться, и отпускать — это было привычкой с детства.

Ева собрала всё сразу, не разбирая. Сдвижная дверь хозблока легко отъехала в сторону. Внутри стояла урна. Она подошла ближе и выбросила брошюры, билет и журнал — одним привычным движением, не глядя. Бумага тихо легла на дно.

Ева закрыла дверь хозблока и щёлкнула выключателем. Всё было сделано аккуратно и правильно, как много раз до этого.

На выходе она чуть замедлилась. Плечи едва заметно напряглись, вдох получился короче обычного. На долю секунды движение потеряло привычную плавность, словно в отработанной последовательности возник лишний такт.

Мгновение она постояла в темноте, вышла из номера и повернула ключ, будто надеялась оставить это ощущение по ту сторону. Замок щёлкнул. Ева сделала шаг, выровнялась и пошла дальше, не останавливаясь.

Поезд пришёл вовремя.

Ева вышла на перрон. Камень под ногами, даль линии путей, воздух раннего утра складывались в знакомое ощущение дома. Не по памяти — по совпадению ритма. Она спустилась в переход и через просторный холл вокзала вышла на улицу, где начинала просыпаться жизнь.

Город подступал к площади сразу со всех сторон, с каменными фасадами и длинными улицами, выстроенными в ясную перспективу, где сразу читались масштаб, уверенность и спокойная строгая красота.

Рассветный час делал архитектуру особенно собранной: фасады держали линию, улицы уходили в глубину, мягкий свет фонарей ещё сохранялся между зданиями, ложился на камень и стекло, соединяясь с прохладным осенним воздухом после холодной ночи.

Дальше, по улице, каменная застройка переходила в нижний, рабочий регистр. Первые этажи оставались тёмными, витрины отражали свет фонарей, за стеклом угадывались столы и стойки, собранные к ночи. Где-то горел дежурный свет, где-то начинались незаметные приготовления, а за фасадной линией открывались жилые кварталы. Движение было редким и спокойным: по проезжей части проходили машины, по тротуарам шли люди, и всё это укладывалось в один стройный ритм — большой, в стандартном понимании, но не очень амбициозный город с размеренным и в меру быстрым течением жизни. Активные найдут здесь много возможностей, большая часть из которых будет аккуратно воплощена в жизнь, любители жаловаться — массу поводов впасть в отчаяние и даже прожигатели жизни будут довольны предложенным разнообразием вайба хоть и со специфическим местным привкусом.

Дом встретил безупречным порядком и тихим покоем, будто обнял.

Небольшая квартира в самом центре города, с видом на длинную пешеходную набережную, на уровне, с которого река видна сразу и целиком. Просторный балкон выходил к воде. В кресле можно было устроиться с чашкой, поставить её на столик и смотреть, как свет медленно собирается на поверхности, меняясь от часа к часу. Каждый вечер закат входил в окно ровно и настойчиво, показывая очередную, безупречно сложенную версию красоты.

Для многих это было бы воплощением мечты.
Ева знала это.

Но не чувствовала.
Ее жизнь была правильной. Даже слишком.

Дни текли один за другим. После выхода книги они заполнились встречами, мастер-классами, тематическими завтраками, общением с людьми, которые говорили нужные слова, благодарили, делились. Всё это имело своё место в расписании, не накладывалось одно на другое и не требовало суеты. Всё по-честному, без особых усилий, и лишнего внимания.

Иногда ощущение полного удовлетворения подходило так близко, словно вставало за спиной и дышало в затылок. Но реальность — с её звуками, запахами, мелкими несовершенствами — каждый раз возвращала всё на место, оставляя привычную пустоту.

То же было и с вещами. Автомобиль, который она водила, не являлся пределом ее мечтаний. Садясь в него даже в холодный зимний день, включая подогрев сидений и руля, она просто ехала, не фиксируя внимание на том, что избавлена от ветра, озябших пальцев и необходимости мириться с чужими маршрутами. Всё это работало само собой и потому исчезало из поля восприятия.

Очередное морозное осеннее утро складывалось по заранее заданному порядку. Открытое окно, короткая гимнастика, душ, завтрак. Кофе на балконе с видом на утреннюю метель. Информационный канал, вещающий нонстоп, включил повтор сюжета, сообщая, что свежих новостей больше нет и он, подобно спутнику на орбите, отправляется на новый виток. Ева щелкнула кнопкой пульта и поспешила привести себя в порядок. Не потому, что ждали встречи, а потому, что эта простая последовательность действия давала ей ощущение контроля. Когда-то давно она назвала этот ритуал «завтрак, кофе, новости» и теперь на нем, прочно держалась вся ее жизнь.

Покончив с утренней рутинной, Ева открыла почту. Не считая традиционного архива писем читателей из издательства, ящик был пуст. Она распаковала его автоматически и листала, почти не глядя, пока взгляд не зацепился за обращение, от которого внутри что-то дрогнуло: «Режессура на связи»

Она скользнула взглядом по строчке адреса, pismichenkokira@... она легко прочитала в нем знакомые имя и фамилию.

Ева открыла письмо не сразу.
«Привет, Оригинал.

Не знаю, помнишь ли ты меня. Скорее всего — нет. Мы тогда почти не разговаривали. Ты вообще мало с кем разговаривала.

Я долго не решался написать. Книга стала поводом. Кстати, это ты приучила нас читать книги. Меня, так, точно. Я всегда знал, что мы о тебе еще услышим. Ждал этого.

Ты, наверное, не знаешь, но у тебя было прозвище. Мы между собой называли тебя Оригинал.

Не потому, что ты выделялась. И не потому, что была «слишком умной», как любят говорить задним числом. Просто ты была не копией. Ни на кого не похожей. Слишком цельной. Слишком собранной.

С тобой нельзя было «попробовать». К тебе нужно было подходить всерьёз. А мы были не всерьёз.

Мы тебя боялись. Не в смысле — страшно. А в смысле — не дотягиваем. Каждый думал, что если подойдёт — будет отказ. Причём не грубый, а такой, после которого долго не сможешь смотреть на себя без стыда.

Ты всегда держалась отдельно. Не высоко — просто отдельно. И это сбивало с толку.
Ты думала, что тебя не выбирают. А на самом деле — мы не решались выбрать.

Ох, как мы были не правы! Прости, если это поздно. Просто важно было сказать.»
Ева дочитала до конца и не закрыла письмо.

Она сидела, положив ладони на стол, и смотрела в экран, не двигаясь, как будто любое движение могло стереть только что услышанное.

Слово «Оригинал» зацепилось где-то внутри — не как новое, а как забытое.

Она уже слышала его раньше. Просто не понимала, что оно значит.

Ева перечитала письмо ещё раз. Потом — медленно, почти не замечая этого — провела пальцем по тачпаду, словно могла стереть последнюю строчку или вернуть её обратно в письмо. Экран погас, уйдя в режим ожидания, и в тёмном стекле отразилось её лицо — спокойное, собранное, чуть отстранённое.

Она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

Глава 4

Образы не спешили...

Темнота оставалась плотной, и в ней постепенно начинало проступать пространство — комната, не вся, а только одна стена. У стены стоит трюмо. Оно большое для этого места, вытянутое вверх, с высоким центральным зеркалом. Форма зеркала напоминает надгробье. Взгляд снова и снова возвращается к нему, не находя в комнате ничего другого. Так было и раньше, много лет назад.

Тогда это ощущалось телом. В комнате можно было ходить, сидеть, ложиться, но всё время приходилось держать в уме это место у стены, как занятое навсегда. От него нельзя было отвести взгляд полностью — он возвращался сам, прежде чем находил что-то ещё. В какой-то момент это стало невыносимым.

— Я не хочу, чтобы оно здесь стояло, — слова прозвучали ровно, без нажима, и повисли в воздухе комнаты.

Ответ пришёл сразу, из коридора, привычный и спокойный.

— Да что тебе мешает.

— Всем нормально.

— Это же просто мебель.

Она не стала объяснять и не стала продолжать разговор. Просто повторила то же самое, не меняя интонации.

— Я не хочу, чтобы оно здесь стояло.

Трюмо вынесли и оставили в коридоре. В комнате стало заметно свободнее.

Это был первый и единственный раз, когда она обозначила границу вслух и не отступила. Позже подобных разговоров не возникало. Всё лишнее она научилась убирать иначе — без слов.

Картинка медленно сменилась.

Откуда-то с краю, возник двор: полоса асфальта перед скамейкой, неровный свет фонаря, голоса, которые слышны раньше, чем различимы лица. Кто-то сидит на спинке, кто-то — на самом краю, опираясь локтями о колени. Куртки расстёгнуты, руки спрятаны в рукава.

Ева подошла и села сбоку, оставив между собой и остальными небольшой промежуток. Доска под ней была холодной. Нога коснулась земли носком и начала покачиваться, задевая мелкие камешки.

— Ты вчера Машку видела, из третьего?

— Рыжую?

— Ага. Она теперь с Антоном ходит.

— Да ладно, давно?

— Уже недели две. Он сам сказал.

Кто-то коротко усмехнулся, кто-то качнул головой. Разговор не задержался на этом месте, а сразу пошёл дальше.

— А Оля-то где?

— Та, которая всё время здесь сидела.

— Уехала. В колледж.

— Вот так просто?

— Похоже.

На секунду повисла пауза. Несколько взглядов скользнули в сторону Евы и тут же ушли обратно. Она улыбнулась краем губ и снова отвела глаза.

— Сидеть надоело, — сказали из темноты.

— Пойдём пройдемся.

Скамейка опустела. Шаги сначала не совпадали, потом выровнялись. Компания вытянулась в линию. Она шла чуть в стороне, чувствуя, как расстояние между плечами то сокращается, то снова возникает.

— Ты завтра выйдешь? — спросили сзади.

— Не знаю, — ответила она, не оборачиваясь.

— Ну смотри.

Теплая ладонь поймала её руку. Пальцы сомкнулись, удерживая. Шаг на мгновение сбился, потом восстановился. Сердце отозвалось резким толчком и почти сразу вернулось к ровному ходу.

— Нормально? — спросил он, наклоняясь ближе.

— Да, — сказала она после паузы.

Они шли дальше молча. Разговоры вокруг продолжались, но отходили в сторону, оставляя между ними плотное, сжатое пространство. Воздух стал тяжелее, запахи резче. Капли дождя сначала падали редко, потом чаще, темнея на куртках.

— Дождь.

— Сейчас разойдётся.

— Ну вот.

Кто-то ускорил шаг, кто-то спрятал руки глубже в карманы.

— Куда теперь?

— Да хоть куда, переждать.

Они свернули к подъезду. Свет из окон лег на мокрый асфальт, дробясь отражениями. Дверь открылась, за ней было тепло и шумно.

Темнота вновь ступила...

Новая картинка собиралась так же медленно...

Сначала — свет под потолком. Яркий, прямой, делающий комнату плоской. Под этим светом — стол, сдвинутые стаканы, колода карт, разложенная неровно. Куртки лежали в прихожей кучей, как попало.

Наверное, прошло около недели.

Это ощущалось в том, как сразу находилось её место за столом, как Пашка привычно садился рядом, как естественно повторялись движения. Всё шло ровно и казалось давно знакомым.

Взрослых в квартире не было.

— Садись, — сказал Пашка, подвигая стул.

Она села. Колено коснулось его ноги. Она чуть отодвинулась, но он снова придвинулся вплотную. За столом засмеялись, кто-то начал раздавать карты.

— Опять жульничаешь.

— Сам смотри.

— Давай дальше.

Карты зашуршали. Локти легли на стол. Пашка наклонился и сказал что-то тихо. Она кивнула, пропуская слова.

Стаканы уже стояли на столе. Жидкость внутри была тёмной. Она взяла свой, задержала в руке, поднесла ближе.

Запах считывался сразу.

Она подняла глаза.

— Это что? — спросила она спокойно.

Ответы прозвучали вперемешку.

— Да так.

— Для настроения.

— Все свои.

Она поставила стакан обратно.

— Зачем?

Разговор стал короче. Кто-то отвёл взгляд, кто-то пожал плечами. Карты замерли.

Пашка наклонился ближе. Его рука коснулась её запястья — осторожно, проверяя реакцию. Внутри поднялось чувство неловкости и стыда, плотное и неприятное. Сердце держало ровный ход. Это давало ясность.

Мысль о повторении вызывала отторжение. Мысль о продолжении собирала тревогу. Повода для сцены не возникло.

Она убрала руку и поднялась. Стул отъехал с тихим скрипом.

— Я пойду, — сказала она.

— Подожди, — сказал он, поднимаясь следом.

— Зачем? — ответила она, поворачиваясь к прихожей.

— Ты странная, — бросили с дивана.

Она взяла куртку, накинула и застегнула. Дверь открылась. Она вышла и закрыла её за собой.

Лестница была пустой. Шаги быстро вывели вниз.

Внутри оставалось чувство неловкости и стыда — глухое, неприятное. Сердце держало ровный ход, и именно это давало ясность. Было как-то неприятно от мысли, что все это может повториться, и тревожно, что обязательно повторится, если прямо сейчас не устроить скандал. Но повода для скандала не нашлось. Зато нашлось много поводов не выйти гулять, а потом Ева заболела, а, по окончании четверти, вновь переехала и сменила школу.

Картинка поредела. Темнота снова стала плотной и ровной.

Ева медленно открыла глаза.

Она снова сидела в своём кресле. Письмо пряталось за потухшим экраном ноутбука, но слова в нём уже не казались случайными.

Ты всем нравилась.

Она вспомнила, как часто в компании становилось тише, когда она подходила. Как взгляды задерживались, а слова — нет. Как кто-то начинал говорить громче, а кто-то вдруг уходил.

Ева медленно выдохнула. Она встала, подошла к окну и посмотрела на улицу.

Город жил своей жизнью.

Люди шли, разговаривали, выбирали.

Слово «Оригинал» больше не звучало чужим.

Оно всё ещё не было комплиментом.

Но совершенно точно перестало быть приговором.

Глава 5

Офис был светлый и почти пустой — из тех, где пространство будто специально оставляют незаполненным, чтобы ничего не отвлекало от разговоров. Большой стол, два кресла, стеклянная перегородка с матовой полосой по центру. За ней кто-то говорил по телефону — слова не разбирались, только интонации.

Ирина Ланская поднялась навстречу, как всегда — чуть раньше, чем нужно, будто встреча началась ещё до того, как Ева вошла.

— Проходи, — сказала она, указывая на кресло. — Кофе?

— Нет, спасибо.

Ирина кивнула, будто этот отказ уже был учтён, и села напротив, положив ладони на стол. Между ними лежала папка — тонкая, почти пустая.

— Я хотела поговорить о перспективах, — начала она. — По книге.

Ева молча смотрела на папку.

— Появился интерес к переводу. Не прямой контракт, нет. Скорее... — Ирина сделала паузу, подбирая слово. — Запрос на знакомство.

— С кем? — спросила Ева.

— С агентом. Он работает с несколькими издательствами: Европа, Азия. Очень... заинтересован.

— Я не хочу встречаться, — сказала Ева спокойно.

Ирина чуть наклонила голову, как делают, когда хотят убедиться, что услышали правильно.

— Мы же обсуждали. Это ни к чему не обязывает.

— Я знаю. И всё равно не хочу.

Ирина вздохнула, откинувшись на спинку кресла.

— Странно это, — сказала она. — Ты сама говорила, что на счет перевода можно подумать. Что интерес к книге сейчас... минимальный.

— Ты это говорила, — поправила Ева. — И я с тобой согласилась.

Ирина улыбнулась — быстро, чуть смущённо.

— Да. Говорила.

Она помолчала, потом посмотрела в сторону стеклянной перегородки, словно проверяя, не слышит ли кто.

— Это личная просьба Марка.

Ева подняла брови.

— Вот как.

— Ну... — Ирина развела руками. — Ты же зайка. Никогда не отказываешь. Что тебе сложно, что ли?

Ева усмехнулась.

— Мне не сложно.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что я не хочу.

— Ты же ничего о нём не знаешь.

— Вот именно.

— Вот встретитесь и узнаете. Никто же не говорит, что нужно срочно отвечать ему взаимностью.

Ева рассмеялась — коротко, беззлобно.

— Какая взаимность, Ира.

Слово повисло в воздухе — и тут же потянуло за собой другое время.

Свет погас.

Музыка включилась резко, будто кто-то дёрнул рычаг. В зале стало тесно, шумно, и все вдруг оказались ближе друг к другу, чем секунду назад.

Он подошёл неловко, почти боком.

— Потанцуем?

Она кивнула.

Они танцевали. Потом еще. Он был высокий и аккуратный. Говорил мало, смотрел внимательно. После дискотеки предложил встретиться.

Почти победа.

Через неделю — прогулка. Холод. Быстрый шаг. Она рассказывала о городе, о зданиях, о том, что знала. Он слушал.

В конце прогулки он тихонько взял ее руку и аккуратно опустил в карман своего пальто. Долго грел пальцы, не говоря ни слова.

Потом кино.

— «Два на восемь сорок», — сказал он, покупая билеты.

Она не запомнила название. И фильм не запомнила.

Потом он исчез.

Ни звонков. Ни объяснений. Ни обещаний.

Всё было очень непонятно.

И, по-видимому, взаимно.

— Ева?

Она вернулась в кабинет.

— Ты здесь?

— Да, — сказала она. — Когда выбираешь себя, не выжидаешь совпадений. Потому что не скрываешь предпочтений.

Ирина моргнула.

— Это ты сейчас о чём?

— Ни о чём, — ответила Ева.

Ирина вдруг оживилась.

— Кстати. Он передал для тебя.

Она наклонилась, достала из-под стола пакет и поставила его между ними.

— Кофе. Вы оба любите кофе.

Ирина аккуратно сжала упаковку рядом с клапаном и та послушно выдохнула.

— Потрясающе пахнет, правда?

Ева посмотрела на пакет. Потом медленно, кончиками пальцев, отодвинула его от себя.

— Да, — сказала она. — Только это не интерес.

— А что тогда?

— Способ регулярно всплывать в памяти конкретного человека. Каждый день. В одно и то же время. И, судя по объёму, достаточно долго, чтобы привыкнуть.

Ирина замолчала.

— Оставь себе, — сказала Ева. — Я не хочу о нём думать. Я не хочу его узнавать. Для меня этого достаточно, чтобы не встречаться.

— Мне никогда не понять ход твоих мыслей, — сказала Ирина. — Неужели тебе не хочется...

— Не сейчас, — перебила Ева. — И точно не так.

Она встала, взяла сумку.

— Спасибо за встречу.
Она вышла, не оборачиваясь.
Кофе остался на столе.

Глава 6

Неужели не хочешь?

Этот вопрос держался рядом несколько дней. Он появлялся утром, когда она ставила чайник, задерживался в комнате, пока она искала ключи, оставался в темноте, когда она гасила свет. Он не менялся и не требовал ответа — просто присутствовал, как вещь, на которую всё время натыкаешься взглядом.

Утро шло своим чередом. Окно. Воздух. Кофе. Компьютер.

Пальцы привычно коснулись клавиатуры, экран ожил.

Она открыла почту. Новых писем не было. Взгляд прошёлся по списку, зацепился за знакомую тему из архива. Ева открыла письмо Кирилла — почти машинально, взгляд сразу упал на последние строки:

«Прости, если это поздно. Просто важно было сказать.»

Внутри что-то сместилось. Экран оставался перед глазами, но поверх него уже стоял другой текст:

«Ева, завтра сорок дней, как нет Жени. Не нашёл сил сказать раньше. Прости».

Она откинулась на спинку стула.

Комната отодвинулась, звук ушёл вглубь, и прошлое встало рядом, заняв место настоящего.

Концерт был шумный. Свет бил в глаза, музыка накатывала волнами, зал жил своей жизнью — громко, уверенно, не обращая внимания на отдельных людей.

Ева сидела одна, держась прямо, будто всё её тело помнило инструкции, выданные заранее: смеяться сдержанно, не болтать, не привлекать внимания. Она старалась быть аккуратной в каждом движении и ловила себя на том, что больше следит за собой, чем за сценой.

Рядом сидели двое. Братья. Они хлопали в такт, переглядывались, обменивались короткими репликами, как люди, которые понимают происходящее на сцене чуть глубже, чем остальные.

— Класс, правда? — сказал младший, наклоняясь к ней в паузе между песнями.

Она кивнула:

— Да.

Ответ вырвался быстрее, чем она успела его обдумать, и это почему-то смутило её сильнее, чем если бы она промолчала.

К середине первого отделения напряжение начало отпускать. Музыка делала своё дело — тело отзывалось раньше привычек. Она хлопала вместе с ними, подпевала, смеялась, уже не следя за тем, как это выглядит со стороны.

После концерта они вышли втроём. Воздух был холодный и чистый, шум зала ещё звенел в ушах.

— Мы проводим, — сказал старший, Игорь, спокойно, как говорят о чём-то естественном.

Женя оказался рядом. Не слишком близко, не в стороне — на том расстоянии, где идти легко и не нужно подстраивать шаг.

— Ты часто так выбираешься одна? — спросил он, когда они свернули на более тихую улицу.

— Нет, — ответила она. — Это первый раз.

Он кивнул, будто принял эту информацию без удивления, и больше ничего не добавил. Так всё и началось.

Они встречались после школы и после его работы. Иногда на час, иногда на весь вечер. Заходили в небольшие кафе, где столики стояли близко, а разговоры соседей легко смешивались с их собственными. Кофе там остывал быстрее, чем заканчивались фразы. Они говорили медленно, с паузами, возвращаясь к одним и тем же темам, будто проверяли их на прочность.

В кино они чаще молчали. Обсуждение начиналось уже после — на улице, по дороге, иногда обрываясь на полуслове, иногда возвращаясь к сценам, которые зацепили обоих. Он умел слушать и не спешил с выводами. Она замечала это и ценила.

Он появлялся вовремя. Если задерживался — предупреждал. Если планы менялись — объяснял.

— Я заеду в семь, — говорил он.

— В семь? — переспрашивала мама, уловив слова.

— В семь — спокойно повторял он.

Он принимал мамины приглашения на чай, и на завтрак. Садился за стол, шутил, благодарил, легко вписываясь в пространство, которое редко принимало чужих.

Она ловила себя на том, что рядом с Женей мир ощущается иначе. Звуки становились чётче, краски плотнее, время — спокойнее. Когда он брал её за руку, в этом не было спешки или демонстрации. Просто ладонь в ладони — и всё становилось на свои места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.